

ХАРИТОНЧИК З. А.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДНЫХ ПРИЗНАКОВЫХ СЛОВ

Особое место в системе производных признаков слов — имен прилагательных и глаголов — занимают деноминативные дериваты со значением сравнения. Сравнение, пролизывающее всю систему признаков слов и лежащее в основе возникновения многих классов лексических единиц, находит в производных указанного типа наиболее явное выражение. При этом в семантике дериватов фиксируется как сама операция сравнения, так и параметры, по которым оно проводится. Благодаря этому деноминативные признаковые слова компаративного типа представляют собой чрезвычайно интересное поле для исследования важнейших проблем словообразовательной семантики. Их изучение позволяет не только разграничить более четко сферы действия синтаксической транспозиции и лексической деривации, не только глубже понять специфику мотивационных связей между производящей и производной единицами, но и уточнить границы предсказуемости семантики производного слова, представить в несколько ином ракурсе проблему идиоматичности дериватов и т. д. Главное, однако, состоит в том, что изучение слов указанного типа открывает возможность более глубокого проникновения в механизм и природу номинации. Изложению некоторых результатов исследования производных признаков слов компаративного типа, проведенного с целью анализа их семантических особенностей, и посвящена данная работа.

При описании семантики производных слов необходимо в первую очередь определить категориальную принадлежность производящих баз, семантику присоединяемых формантов, а также отношения, возникающие между компонентами производных единиц. Задачей первостепенной важности при семантическом описании дериватов является установление общего словообразовательного значения словообразовательных рядов, формируемого на основе наиболее общих свойств сочетающихся элементов производного слова и определенных отношений между ними [1, с. 115].

Такое описание является, по-видимому, достаточно исчерпывающим в том случае, если словообразовательный акт направлен на создание производных, отличающихся от производящих только своей синтаксической функцией, т. е. тогда, когда словообразование предназначено для перевода лексических единиц одного лексико-грамматического класса в другой с целью придания им новых синтаксических ролей. Описание словообразовательного значения, уточненное затем данными о лексических значениях конкретных производящих баз, дает, на наш взгляд, достаточно адекватное представление о семантике производных типа русск. *хождение*, *бледность*, англ. *newness* «новизна», *swimming* «плавание», нем. *die Heimlichkeit* «таинственность, скрытность», *die Berücksichtigung* «принятие во внимание» и многих других отглагольных и отадъективных существительных, возникших в результате транспозиции. Однако для многих производных признаков слов, образованных способом аффиксации или конверсии, подобное описание явно недостаточно. Это относится в первую очередь к классу признаков слов, представленному деноминативными прилагательными с общим словообразовательным значением «свойственный тому, что названо производящей основой» и деноминативными глаголами со значением «совершать действие, характерное для того, что названо производящей основой» и занимающему в общей системе признаков произ-

водных слов особое место. С одной стороны, признаковые слова указанной семантики разделяют свойства соответствующего класса, т. е. являются составной частью производных деноминативного типа в целом. С другой стороны, данный класс признаков производных слов в значительной степени отличается от других типов деноминативных глаголов и прилагательных. Деноминативные адъективные слова со значением «свойственный тому, что названо производящей основой» по сравнению с другими деноминативными прилагательными, например, со значением «относящийся к тому, что названо производящей основой» (они, как правило, выступают в значениях «сделанный из того, что названо производящей основой» или «состоящий из того, содержащий то, что названо производящей основой» и т. д.), а также деноминативные глаголы со значением «совершать действие, характерное для того, что названо производящей основой» (по сравнению с деноминативными глаголами со значениями «делать так, чтобы, каузировать что-либо» или «действовать с помощью чего-либо» и т. д.) образуют своеобразную семантическую группу признаков слов (ср. [2, с. 140—174]). Своеобразие этой группы не исчерпывается описываемой многими исследователями невыводимости семантики данных производных из значений их составляющих, наличии так называемых дополнительных семантических компонентов [2, с. 96] и высокой степени их идиоматичности (семантика данных производных не может быть объяснена на основе простой отсылки к мотивирующему слову). Главная их особенность, по нашему мнению, состоит в том, что, в отличие от других типов деноминативных признаков слов, они отсылают к предмету, явлению и т. д., называемому именем существительным, не как к чему-то целостному и нерасчлененному, а как к «системе качеств и свойств» [3], из которых какие-то свойства, признаки, стороны, действия выступают как определяющие в данной ситуации. Иначе говоря, определяющими для признаков слов данного типа, как показывают результаты проведенного нами исследования, не является простое указание на связь с какими-то объектами и предметами, называемыми существительными. Назначение таких производных — в эксплицитном, хотя и выборочном, именовании атрибутов и признаков данных предметов и объектов и актуализации компонентов сигнификативного значения именных производящих баз. Ср., например: русск. *материнский* «свойственный матери: ласковый, нежный, родной», *волчий* «свойственный волку: жестокий, хитрый», *обезьянничать* «совершать действия, свойственные обезьяне: кривляться, гримасничать» и т. д., англ. *wiry* «похожий на проволоку: гибкий, крепкий, жилистый, выносливый», *to lord* «совершать действия, свойственные лорду: вести себя самовластно, важничать» и др., нем. *strohig* «соломенный, как солома: безвкусный, ничтожный; пошлый», *affig* «свойственный обезьяне: жеманный, тшеславный, мнящий о себе», *fuchsen* «совершать действия, свойственные лисе: обманывать, надувать, сердить, раздражать, злить» и т. д. [4—9].

Поскольку в признаковых словах указанного типа на поверхность выступают признаки, находящиеся зачастую на положении периферийных и скрытых компонентов сигнификативного значения, или признаки, ассоциируемые с тем или иным предметом и входящие в состав фоновых значений [10], особую значимость для описания семантики таких дериватов приобретает описание семантики производящих баз и условий выбора актуализируемых компонентов их значений.

Обращает на себя внимание тот факт, что в качестве производящих баз для признаков производных слов данного типа используются, как правило, те классы субстантивных лексических единиц, для которых характерно наличие в их лексическом значении множества признаков и богатства связываемых с ними ассоциаций. Это идентифицирующие слова, или имена естественные [11, с. 326—356; 12], которым, как известно, присущи тесная связь с денотатом, многопризнаковость, комплексность, синтетичность, гетерогенность семантических компонентов и ряд других свойств [11, с. 335]. Таковы, например, наименования животных, веществ, предметов реального мира и т. д. Они-то и служат основой для следующих признаков слов в современном русском языке: *кошачий* «свойственный кошке:

ловкий, ласковый, мягкий», *львиный* «относящийся ко льву, принадлежащий ему, такой, как у льва: густой, пышный, грозный», *попугайничать* «совершать действия, свойственные попугаю: бессмысленно повторять что-л.» и т. д. Ср. также англ. *goatish* «козлиный; похотливый», *fluffy* «пушистый, такой, как пух: легкий, мягкий, воздушный; неплотный, рыхлый», *to wolf* «пожирать с жадностью, как волк», нем. *eisig* «ледяной, холодный, как лед», *eselhaft* «как осел: глупый», *affen* «обезьянничать, дразнить, передразнивать» и т. д.

Из единиц же предикатной лексики, или имен номинальных, однопризнаковых по своей природе, в качестве производящих баз для признаков производных слов указанного типа выбираются в основном те, которые развивают вторичные значения и, становясь представителями естественного класса имен, приобретают тем самым в данном значении все характеристики идентифицирующего имени [13]. Особенно показательны в этом плане наименования лиц, в частности, наименования лиц по их социальному статусу, по профессии и другие, которые в результате общественной практики воспринимаются как носители многих признаков и характеризуются множеством ассоциаций, связанных с их деятельностью и поведением. Например, русск. *отеческий* «свойственный отцу: исполненный заботы, участия», англ. *soldierly* «свойственный солдату: с военной выправкой, воинственный, храбрый, решительный», *to husband* «совершать действия, свойственные мужу, хозяину: управлять, тратить экономно, экономить» и др.

Разделяя общую тенденцию выбирать в качестве основы для наименования признака имена существительные идентифицирующего типа или же определенные имена существительные предикатного типа, описываемые признаковые слова демонстрируют в разных языках как тождество выбора конкретных производящих баз (ср. русск. *волчий*, англ. *wolfish* «волчий», нем. *wölfisch* «волчий»; русск. *железный*, англ. *ironlike* «железный», нем. *eisern* «железный»; русск. *обезьянничать*, англ. *to ape* «обезьянничать», нем. *affen* «обезьянничать» и др.), так и различия, особенно значительные в неблизкородственных языках. Ср., например, русск. *петушиться* «вести себя подобно петуху: впадать в смешную запальчивость, заносчивость, горячиться», нем. *krebsen* «совершать действия, свойственные раку: пятиться назад, ползти, карабкаться», англ. *nymphish* «как нимфа: красивый, изысканный», нем. *bienig* «усердный, как пчела» и отсутствие их прямых, также производных по своему характеру, коррелятов в сравниваемых языках.

Однако какому бы специфичным ни был круг производящих баз для признаков слов указанного типа и какие бы различия, диктуемые социально-историческими, культурными, прагматическими и т. д. факторами, ни наблюдались в отдельных языках, они не противоречат общему закону избирательности производящих баз для данных производных. Согласно этому закону обязательным условием, детерминирующим выбор имени существительного в качестве производящей базы для признакового слова заданной семантики, становится отражение в семантике имени существительного каких-то свойств и характеристик, действительно присущих обозначаемому предмету или приписываемых ему говорящими [14], вероятность выбора которых из всей совокупности свойств и признаков предмета, обозначаемого именем, наиболее велика [15].

Именно поэтому для описания семантики признаков слов указанного типа чрезвычайно необходимым становится расширение информации о семантике производящих баз и обозначаемых ими предметах. Релевантными становятся сведения не только о том, какими свойствами характеризуются те или иные объекты и предметы реальной действительности, но и о том, какие ассоциации существуют у говорящих в связи с этими объектами, предметами, лицами и т. д. Для действительно полного описания семантики признаков слов требуется не только предварительный детальный семантический анализ производящих баз, значимость которого в целом для словообразования трудно переоценить, но и анализ фоновых значений, тех ассоциаций и дополнительных сведений, которые составля-

ют лексический фон слова [16] и роль которых в семантике и прагматике еще по-настоящему не выяснена [17].

Таким образом, становится ясным, что для адекватного описания семантики признаков производных слов нельзя ограничиться указанием категориальных значений их производящих баз, как это часто полагали ранее [18], и даже общим описанием их лексических значений. Для исчерпывающего описания семантики признаков слов данного типа необходимо указание на всю совокупность денотативных, сигнификативных и ассоциативных компонентов субстантивных производящих баз, т. е. компонентов, не имеющих прямого формального выражения и составляющих, по образному выражению И. Б. Шатуновского, «тайную грамматику» имени существительного [19, с. 3]. Это тем более важно, поскольку вследствие несовпадения самих сигнификативно-ассоциативных компонентов в семантике производящих баз или же по причине различий в выборе актуализируемых в производном признаках слова описываемого типа обнаруживают в разных языках немало существенных отличий. Ср., например, русск. *бычиться* «принимать угрюмый вид, быть суровым, хмуриться, упрямиться, дичиться, бояться» и нем. *ochsen* «выполнять трудоемкую работу: зубрить», русск. *лисий* «такой, как лиса: хитрый, лукавый, лживый» и нем. *fuchsig* «такой, как лиса: рыжий; разъяренный, свирепый» и др.

Описание глубинной семантики производящих имен существительных важно еще и потому, что их многопризнаковость создает предпосылки для актуализации на основе одного значения производящего одновременно нескольких признаков и тем самым для возникновения особого типа многозначности и широкого контекстуального употребления признаков слов. Так, для производного *стальной* в современном русском языке и его коррелята производного *steely* в современном английском языке значимым оказывается не только то, что сталь — это определенный сплав, вещество, но и то, что сталь имеет определенный цвет (отсюда русск. *стальные воды залива*, англ. *steely grey eyes* «глаза цвета стали»), выделяется своей прочностью и т. д. (отсюда русск. *стальные мускулы*, *стальная воля*, англ. *steely wind* «резкий, холодный ветер»). Аналогичным образом слово *медь* в русском языке и его корреляты в английском и немецком языках предстают в словообразовательных процессах как наименования вещества, обладающего многими признаками: цветом, вкусом, особым звучанием и др. Ср. русск. *медные волосы*, *медный вкус во рту*, *медный голос*, англ. *coppery hair* «медные волосы», *a reddish coppery tinge* «красновато-медный оттенок», *a bitter, coppery, or metallic taste* «горький, медный или металлический вкус», нем. *kupferiges Gesicht* «медное лицо», *kupferiger Geschmack* «медный привкус».

Не затрагивая подробно вопроса о том, какие признаки наиболее часто выступают в сочетании друг с другом (в настоящее время в лингвистической литературе имеются лишь фрагментарные сведения о наборах признаков, обозначаемых именем прилагательным [20, 21], в целом же изучение возможной комбинаторики признаков в семантике как простого, так и производного прилагательного или глагола — задача будущих исследований), отметим, что это, в первую очередь, признаки, воспринимаемые органами чувств: цвет, вкус, форма, размер и т. д. Хотелось бы одновременно обратить внимание на то, что данные признаки соответствуют главным, первичным значениям имен прилагательных (о первичных и вторичных значениях частей речи см. [22]). Простые, производные слова, их обозначающие, формируют ядро основных семантических разрядов данной части речи [23]. Не случайной представляется также связь перечисленных выше признаков и частных словообразовательных значений, выделяемых в системе имен прилагательных [1, с. 129].

Интересно, что некоторые признаки воспринимаются не как дополняющие друг друга, а скорее как противопоставленные друг другу или даже взаимоисключающие, и в этом случае наименование разных признаков, присущих тому, что названо субстантивной производящей основой, происходит не в пределах одного производного слова, а с помощью ряда про-

изводных единиц, мотивированных одной и той же производящей основой и образованных с помощью разных словообразовательных средств. Иначе говоря, многопризнаковость субстантивных производящих баз и определенные закономерности сочетания признаков создают предпосылки и для возникновения словообразовательных парадигм типа англ. *manly* — *manlike* — *mannish* — *manful* [24, с. 25], в которых разными производными именуются разные признаки, присущие или приписываемые тому, что названо производящей основой. Ср.: *manly* «обладающий свойствами, характерными для мужчины: не женственный, не боязливый, смелый, решительный», *manlike* «подобный человеку, мужчине, имеющий телосложение или характер мужчины», *mannish* «мужской, присущий мужчине, мужеподобный», *manly* «мужественный, смелый»; ср. также *clerkish* «напоминающий клерка или его работу: чересчур педантичный, тщательный, привередливый, обстоятельный», *clerkly* «обладающий хорошим поведением, спокойный, старательный, прилежный, со скромной внешностью» и др.

На фоне своеобразной картины выбора актуализируемых в производном признаках, которые в разных языках могут и не совпадать, становится ясным, что главным отличием признаков слов от их субстантивных баз является, по-видимому, противоположная направленность процессов номинации в признаковых словах по сравнению с исходными для них именами существительными. Подобно тому, как семантика имени существительного, называющего предмет, явление и т. д., направлена на обобщение всех его свойств, качеств, на создание целостного представления о предмете и его индивидуализацию, ономастологическим заданием признакового слова является именование отдельного статического или динамического свойства, признака, качества предмета, мыслимого говорящими в отвлечении от самого предмета. Соответственно образование признаковых слов указанного типа на базе имен существительных предполагает восприятие говорящим предмета не только как чего-то целостного, качественно отличного от другого предмета и потому требующего отдельного наименования, но и как совокупности, средоточия, пучка разных свойств и характеристик, из которых признаки, воспринимаемые органами чувств, а также признаки, отражающие функциональные особенности предмета, явления и т. д., призваны играть в речемыслительной деятельности ведущую роль. Давая наименование тому или иному признаку или даже совокупности признаков путем отсылки к самому предмету — носителю этих признаков, говорящий исходит из понимания предмета как представителя того или иного определенного свойства или свойств, игнорируя при этом другие его свойства и признаки, выступающие в данной ситуации как несущественные и вторичные. (Интересно образование производных существительных типа *белок*, *голубика*, *косилка* и т. д., в которых, напротив, предмет получает наименование по отдельному своему признаку или функциональному предназначению. Ср. [26]). В силу огромного многообразия и различной комбинаторики свойств, присущих предметам, объектам и явлениям реальной действительности, признаковые слова, возникающие на основе наименований этих предметов, объектов, явлений, становятся экономным средством обозначения самых разнообразных свойств и качеств, называют многочисленные нюансы признаков и тем самым значительно расширяют возможности языковой дескрипции.

Специфика процесса образования производных признаковых слов компаративного типа диктует и специфику мотивационных связей между исходным существительным и производным. В отличие от деноминативных производных других типов, которые мотивируются всей семантикой исходного имени или отдельными его лексическими значениями [19, 27], признаковые слова указанной семантики мотивируются отдельными компонентами значений именных производящих баз, что и приводило исследователей к мысли о непредсказуемости значений таких производных и невозможности разработки правил, отражающих закономерности формирования их семантики [27, с. 173—174]. Более глубокое исследование мотивационных связей производящих и производных единиц убеждает нас, од-

нако, в некоторой поспешности подобных решений и необходимости более детального анализа семантики производящих баз.

Заключая описание семантики производных слов указанного типа, следует отметить, что словообразовательная номинация с помощью признаков слов, в основе которой лежит, как мы стремились показать выше, своеобразный анализ значения производящего имени, специфическая организация сем и топиализация сигнификативно-ассоциативных компонентов в семантике производного, обнаруживает определенные параллели с процессами семантической деривации в сфере имени существительного, которая использует данные признаки для обозначения тех или иных сущностей, выступающих или осознаваемых говорящими в качестве носителей этих признаков.

Многие исследователи пришли к мысли о том, что признаковые слова мотивируются в таких случаях переносными, предикатными значениями соответствующих имен существительных. Так, слово *зверский* объяснялось как мотивированное переносным значением производящего существительного, а именно *зверь* «жестокий, свирепый человек» [28]. Представляется, однако, что в данных случаях мы наблюдаем параллелизм семантических процессов избирательности в двух разных явлениях — вторичной семантической номинации и словообразовании. В то же время процессы семантической деривации и словообразования, несмотря на то, что в их основе лежит выбор одних и тех же признаков называемого мотивирующим именем объекта или предмета, в описываемом нами материале разнонаправленны: семантическая деривация использует данные признаки для (переносного) обозначения каких-то предметов, объектов или явлений, обладающих данными свойствами, словообразование же используется для наименования самих этих признаков или их совокупностей и разграничения их статического (производные прилагательные) и динамического (производные глаголы) аспектов [29, 30]. Одновременно необходимо подчеркнуть, что акцентируя важность сигнификативно-ассоциативных компонентов основного лексического значения субстантивных производящих баз для образования признаковых слов данного типа, мы отнюдь не считаем, что переносные значения производящих слов не могут вовлекаться в словообразовательные процессы и выступать в качестве мотивирующих для признаковых слов. Как мы пытались показать в другой своей работе [31], реализация в производном слове как основных, так и вторичных значений производящего является важнейшим фактором, детерминирующим многозначность производных слов. Речь идет лишь о том, что экспликация в признаковых словах сигнификативно-ассоциативных компонентов, заключенных в семантике исходного, производящего имени, не предполагает обязательных мотивационных отношений производного с производящим в его переносных значениях. Это подтверждается фактами образования признаковых слов типа англ. *willowy* «гибкий и тонкий, как ива, грациозный» (*a willowy woman* «стройная и тонкая женщина») от имен существительных, в семантике которых предикатные значения вообще не зафиксированы. Общность же признаков, лежащих в основе словообразовательной номинации и семантической деривации, когда оба эти процесса имеют место, естественна и диктуется, на наш взгляд, тождеством источника мотивации — основным лексическим значением производящего имени. Все это позволяет заключить, что словообразование не в меньшей степени, чем процессы семантической деривации, участвует в создании той своеобразной «картины мира», которая предстает перед нами при исследовании лексических систем разных языков [32].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
2. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977.
3. Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963, с. 21.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 12-е изд. М., 1978.
5. Словарь русского языка в четырех томах. М., 1957—1961.

6. Большой англо-русский словарь. 3-е изд. М., 1979.
7. Большой немецко-русский словарь. 2-е изд. М., 1980.
8. Webster's Third new international dictionary of the English language. Springfield (Mass.), 1961.
9. Hornby A. S., Cowie A. P., Gimson A. C. Oxford advanced learner's dictionary of current English. Oxford University Press, 1980.
10. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980, с. 25, 41—46.
11. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
12. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М., 1981, с. 50—96.
13. Шатуновский И. Б. Синтаксически обусловленная многозначность «имя номинального класса — имя естественного класса». — ВЯ, 1983, № 2.
14. Plank F. Morphologische (Ir-)Regularitäten: Aspekte der Wortstrukturtheorie. Tübingen, 1981, S. 102.
15. Motsch W. Ein Plädoyer für die Beschreibung von Wortbildungen auf der Grundlage des Lexikons. — In: Perspektiven der Wortbildungsforschung. Bonn, 1977, S. 184.
16. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1983, с. 57.
17. Lakoff G. Getting the whole picture: the role of mental images in semantics and pragmatics. — In: Proceedings of the Annual meeting of the Berkeley linguistic society. Berkeley, 1980.
18. Соболева П. А. Моделирование словообразования. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.
19. Шатуновский И. Б. Проблемы словообразовательной транспозиции (на материале русского языка): Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1982.
20. Williams J. M. Synaesthetic adjectives: a possible law of semantic change. — Language, 1976, v. 62, № 2.
21. Дзоценидзе Н. А. Явные и скрытые компоненты значения слова (на материале имен прилагательных современного английского языка): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1982, с. 12.
22. Кубрякова Е. С. Части речи в ономастиологическом освещении. М., 1978, с. 62.
23. Шрам А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л., 1979.
24. Харитончик З. А. Адъективная словообразовательная парадигма. — Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Горького, 1980, вып. 164.
25. Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании. — В кн.: Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения. I—VIII. М., 1978.
26. Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора. — В кн.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977, с. 147—187.
27. Яниценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.
28. Авина Н. Ю. Диахроническое изучение словообразовательных гнезд (на материале гнезда *зверь*). — В сб.: Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982.
29. Lakoff G. Irregularity in syntax. New York, 1970, p. 142.
30. Семантические типы предикатов. М., 1982.
31. Харитончик З. А. О многозначности суффиксального производного слова (на материале прилагательных современного английского языка). — В кн.: Романское и германское языкознание: Вып. VI. Минск, 1976.
32. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М. — Л., 1965, с. 108.